

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА БЛАГОУСТРОЙСТВО ДВОРОВ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ

Мельник Л.А. Email: Melnik1142@scientifictext.ru

Мельник Людмила Александровна – студент магистратуры, кафедры городского хозяйства, геодезии, землеустройства и кадастров, факультет безотрывной формы обучения, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, г. Санкт-Петербург

Аннотация: в статье анализируются развитие города, благоустройство и социально-экономическая застройка. Несмотря на отсутствие качественно новых методик в организации открытых пространств жилой застройки, намечается тенденция возврата ценностей традиционных жилых образований, происходит переосмысление роли человека в системе городского пространства. При градостроительном подходе наравне с нормативно-правовыми аспектами проектирования и реставрации рассматриваются физические, психологические, социальные и др. теории.

Ключевые слова: градостроительство, благоустройство, застройка.

ANALYSIS OF THE PROCESSES OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE CITY AND THEIR INFLUENCE ON THE IMPROVEMENT OF THE YARD DEVELOPMENT COURTS

Melnik L.A.

Melnik Lyudmila Aleksandrovna - Student of the magistracy, DEPARTMENT OF MUNICIPAL ECONOMY, GEODESY, LAND MANAGEMENT AND CADASTRE, FACULTY OF NON-DISRUPTIVE FORMS OF EDUCATION, SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF ARCHITECTURE AND CIVIL ENGINEERING, ST. PETERSBURG

Abstract: in the article the development of the city, improvement and social and economic development are analyzed. Despite the lack of qualitatively new techniques in the organization of open spaces for residential development, there is a tendency to return the values of traditional residential units, a rethinking of the role of man in the urban space system. In the urban development approach, along with the regulatory and legal aspects of design and restoration, physical, psychological, social and other theories are considered.

Keywords: urban planning, improvement, development.

УДК 331.225.3

Двор появился в глубокой древности. Совместное пространство бытового назначения имелось уже при жилищах первобытных людей (в родовых, а позже и соседских общинах). Существует несколько версий его трансформации, в самостоятельный элемент жилища. Первая — в процессе эволюции сгруппированных и образующих внутреннее общее пространство жилищ кочевых и полукочевых народов. Вторая версия, согласно которой, двор зародился, как частный вид пространства — в странах с жарким климатом происходило постепенное расширение дымового отверстия в крышах жилища. Согласно данным, полученным в ходе раскопок, первые постройки с внутренним двором появились на территории Ирана и датируются VI тысячелетием до н.э. [1].

В доиндустриальную эпоху (до XVIII в.) внутренние сады и дворики составляли основное озеленение города. Позднее традицию разбивки сада при постройке стали активно применять в благоустройстве монастырей (замкнутый двор — клуатра — символ рая) и усадеб высших слоёв общества, что сделало наличие двора элитным элементом архитектурного ансамбля.

Индустриальный период (XVIII – XIX вв.) характеризуется появлением автоматизированного производства, ростом городов, повышением этажности застройки (первый небоскреб – здание страховой компании в Чикаго 1885 г. высота 54,5 м.) Однако, несмотря на смены стилей, можно сказать, что структура, функция и символика двора оставались практически неизменными до начала XX века, а городские пространства были организованы по принципу, разработанному древнегреческим архитектором Гипподамом [2]. Двор носил лишь светский характер и служил для различных торжеств, поэтому становился все более пышным и декоративно украшенным.

В укрупненных жилых кварталах городов постиндустриального общества (XX – XXI вв.) двор был довольно компактным и замкнутым. Однако на первое место стали выходить новые типы зданий: офисные и промышленные, а жилище должно было удовлетворять главным утилитарным потребностям: в крове, тепле, пище, отдыхе и общении. Отказ от культурного наследия для формирования «нового» человека привел к стиранию традиционных особенностей жилой среды разных регионов в условиях очень быстрых темпов индустриального развития. Поиски новых решений проектирования и

благоустройства в 1940-х – начале 1950-х годов не привели к значительным переменам в системе организации застройки, и пошли по пути еще большего укрупнения квартала и группы кварталов с дифференциацией их территорий по функциональному назначению.

В советское время все пространства были открытыми, жилая застройка была укрупнённой (5—6 и более га) однотипной, жилые дворы оснащались набором унифицированного оборудования, но он отвечал потребностям времени и был востребован. «Закрытые дворы появились в 1990-е, когда поменялась политическая ситуация. Сегодня заборы воспринимаются, как антисоциальное, но безальтернативное явление.

В 60 -70 г. XX в. общество переходит в новый постиндустриальный или информационный период, связанный с развитием интернет технологий, все более растущим автомобильным движением, ростом темпов жизни и плотностью застройки. Несмотря на отсутствие качественно новых методик в организации открытых пространств жилой застройки, в этот период намечается тенденция возврата ценностей традиционных жилых образований, происходит переосмысление роли человека в системе городского пространства.

Жилой двор рассмотрен в качестве структуры, способной формировать общественные процессы, моделировать социальную структуру общества и влиять на психику и эмоциональное состояние человека. В подтверждение важности формирования не только визуально приятной, безопасной, но и основанной на психологических аспектах, городской среды свидетельствует база следующих научных исследований: Исследователь М. Черноушек утверждает, что окружение человека, кроме измеримых физических, химических объектов и явлений, включает в себя психологическую характеристику, которая выражается в эмоциональных откликах и вызванных чувствах.

По мнению Л. Мамфорда (автора термина «Мегамашина») «формирование человека перемещается в сферу символической коммуникации, а не материальных городских форм».

Интересной с точки зрения оценочного восприятия городской среды является работа Кевина Линча «Образ города». Автор акцентирует внимание на влиянии общего «положительного имиджа» города и эстетики среды на эмоциональное благополучие человека. Теория К. Линча отличается от идей Мамфорда тем, что объектом внимания в его труде является визуальный образ города. При градостроительном подходе наравне с нормативно – правовыми аспектами проектирования и реставрации рассматриваются физические, психологические, социальные и др. теории. В основу подхода легли идеи Питера Смита, изложенные в работе «Динамика урбанизма», согласно которой 90% информации об окружающем нас мире, не осознаётся человеком, а воспринимается на подсознательном уровне.

Теории о существовании зависимости между застроенным пространством и социальными процессами общества разрабатываются, начиная с конца XX в. и на сегодняшний день не существует универсальной парадигмы развития жилой среды, способной объединить все разработки по данной теме.

Созависимость поведенческих моделей общества и архитектурного окружения описана в 1982 году социологами Джеймсом Уилсоном и Джорджем Келлингом в «Теории разбитых окон». Согласно теории замусоривание территорий и безответственное отношение к ним пользователей является следствием их изначально неудовлетворительного состояния [3]. Аналогичную гипотезу высказал социолог Малкольм Гладуэлл в книге «Переломный момент».

Эту мысль поддержали учёные университета Гронингена (Нидерланды) и в подтверждение провели ряд социальных экспериментов. С другой точки зрения отношение человека к архитектурной среде раскрывается в концепции Дж. Голда и его последователей о средовой (городской) самоидентификации – «кто Я здесь и сейчас», так прошедшего и будущего времён. Понимание собственного «Я» формируется из восприятия себя в качестве обитателя территории и члена её различных социальных групп и влияет на его активность, вовлеченность и личный уровень ответственности относительно места проживания.

В общей системе удовлетворённостью жилой средой и местом обитания так же рассматриваются межличностные отношения соседей (доброе соседство в целом по значимости ставятся на второе место после удовлетворенности браком). Пространственная близость соседей в сочетании с психологической дистанцированностью, создаёт противоречивость в вопросе создания соседских общностей, и потенциально способна стать как источником ежедневных стрессов и психологической опасности, так и возможной помощи и поддержки. Фишер выделяет три фактора, влияющих на качество и развитие соседских отношений:

1. Функциональная зависимость (общие территориальные и прочие интересы);
2. Наличие социальных связей (родство, этническая связь);
3. Отсутствие альтернатив.

Основная причина интереса к добрососедству сегодня заключается в потере управляемости процессами городских изменений. В условиях кризиса государственных институтов, на повестку дня вновь возвращается дружба, понятая как социальная и производственная ценность. Невозможно сделать односторонний вывод об исключительно положительном значении соседских контактов. Но хотя в них

кроются немалые опасности, например для приватности, многочисленные исследования подтверждают, что преимущества соседского общения намного превышают неприятности, связанные с соседями. Качественные взаимоотношения с соседями и участие в местных организациях имеют множество положительных эффектов, особенно для социально депривированных. Особенно эффективно функционируют в этом отношении интегрированные соседства. Ситуацию характеризует высказывание «У большинства людей нет личного опыта соседской общности, и поэтому они не умеют ее желать». Фостер сказал: «Молодые люди лучше всего учатся тому, как быть вовлеченными в гражданскую жизнь, будучи вовлеченными в гражданскую жизнь».

Список литературы / References

1. *Нещадин А., Прилепин А.* Городские агломерации как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России // *Общество и экономика*, 2010. Т. 12. С. 121.
2. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*, 2013. № 6. С. 15-26.
3. *Гапоненко А. и др.* Стратегическое планирование социально-экономического развития региона // *Пространственная экономика*, 2005. № 4.